

УДК 39(=511.1)

Ю. А. Перевозчиков

**К ПРОБЛЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ
СВЯЩЕННЫХ РОЩ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ
В УДМУРТИИ: ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Одним из существенных компонентов дохристианских верований финно-угорских народов Волго-Камского региона является культ священных рощ. В Удмуртии сохраняются как культовые объекты и элементы культурно-природного ландшафта священные рощи удмуртов, бесермян и марийцев. В последние годы представители возрождаемого неоязычества и общественные активисты поднимают вопрос о необходимости сохранения священных рощ как памятников культуры, обладающих историко-культурной значимостью с точки зрения этнологии и культурной антропологии. Современное научное изучение религиозных представлений и практики, касающихся, в частности, удмуртских священных рощ, неразрывно связано с именем проф. В. Е. Владыкина. Его последователи рассматривают также ландшафтно-экологические, палеоэтнографические, исторические и природно-охранные аспекты существования и функционирования культовых мест. В статье на основе достижений этнологической науки и с учетом требований российского законодательства об объектах культурного наследия рассматриваются следующие вопросы: обоснование историко-культурной значимости священных рощ как памятников культуры; формулирование предмета охраны этих объектов, учитывающего их неизменные и существенные свойства: территорию и историческое использование; подходы и требования к установлению границ охраняемых территорий и зон, непосредственно связанных со священными рощами; некоторые аспекты инкорпорации норм обычного права в режимы содержания и использования подобных памятников. Священные рощи, представляющие актуальную культурную традицию, могут быть поставлены на государственную охрану в виде объекта культурного наследия – достопримечательного места. Делается вывод о необходимости синтеза требований законодательства об объектах культурного наследия и норм обычного права при определении режимов содержания и использования различных зон таких памятников культуры.

Ключевые слова: священные рощи, дохристианские верования, финно-угорские народы, удмурты, памятник культуры, объект культурного наследия, достопримечательное место, предмет охраны объекта культурного наследия, границы территории объекта культурного наследия, зоны охраны объекта культурного наследия, режимы содержания объекта культурного наследия.

Характерное для современной глобальной цивилизации многофакторное взаимодействие различных этнокультурных и этносоциальных процессов актуализировало в повестке мирового развития вопросы сохранения культурного наследия как ресурса коллективной идентичности. Всемирное культурное наследие формируется в виде целостного комплекса, включающего в себя как значимые для всего человечества и воплощенные в известном списке ЮНЕСКО феномены, так и малоприметные памятники, составляющие историческое достояние локальных социумов. В этом ряду недвижимых артефактов присутствуют и объекты, представляющие интерес с точки зрения этнологии или культурной антропологии и, выражаясь языком закона, «являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [Федеральный закон... ст. 3]. Стремительная череда культурных эпох, замена, казалось бы, незабываемых традиций мобильными инновациями порождают общественный запрос на создание государственных правовых и организационных инструментов сохранения этих этнографических объектов культурного наследия.

В системе этнических культур народов Поволжья и Приуралья стабильным интересом со стороны исследователей пользуются традиционные дохристианские верования. Их материальные участники и свидетели – священные рощи – и сегодня составляют заметный элемент природно-культурных ландшафтов этнорегионов. Культ священных рощ представляется наиболее архаичным компонентом религиозных воззрений живущих на территории Удмуртии финно-угорских народов: удмуртов, бесермян, марийцев. Будучи сакрализованным воплощением природно-экологического окружения, рощи с обустроенными в них жертвенниками и святилищами выступали аналогами языческих храмов с чрезвычайно высоким религиозно-мифологическим статусом. Его реликты сохраняются в исторической и экологической памяти даже тех местных сообществ, которые испытали тотальное влияние христианизации, а затем и секуляризации. Наблюдаемый ренессанс неоязычества и витающие в обществе опасения относительно сохранности исторических культовых мест, вызванные стремительным хозяйственным освоением доселе забытых Богом территорий, выдвигают на передний план исследовательскую задачу осмысления средствами этнологической науки некоторых ключевых элементов государственной охраны этих специфических объектов. В частности, в статье будут рассмотрены вопросы обоснования историко-культурной значимости, предмета охраны объектов и установления границ охраняемых территорий и зон, непосредственно связанных со священными рощами, а также некоторые аспекты инкорпорации норм обычного права в режимы содержания и использования подобных памятников.

Особая роль священных рощ, как природно-культурных объектов, в дохристианском мироустройстве и мировоззрении финно-угров отмечалась еще дореволюционными исследователями. Одно из ранних описаний удмуртских природных святилищ принадлежит П. С. Палласу: «Керемети, или жертвенные места, имеют они в еловых местах, а особливо на хорошо расположенном, прекрасными высокими елями окруженном месте, а сии дерева за священные

ели у них почитаемые, тщательно сохраняют» [Паллас 1788, 36]. В кон. XIX в. П. М. Богаевский пишет об антропоморфном божестве, населяющем рощу: «Керемет, или Луд, последнее название есть собственно вотское, избрал своим жилищем особые рощи, находящиеся вблизи каждой деревни и посвященные ему. Там он обитает на священном дереве, около которого собираются ежегодно вотяки, принося ему свои дары» [Богаевский 1888, 16].

Традиция изучения и интерпретации сакральной сущности священных рощ на удмуртском материале была подхвачена в последней трети XX в. основателем современной этнографической школы в Удмуртии В. Е. Владыкиным, который в ряде своих работ обозначил генезис и место природных святилищ в религиозной картине мира удмуртов, выявил параллели и специфику собственно удмуртских объектов «Луд» и «Керемет» [Владыкин 1972; Sarv, Vladkin 1988]. По мнению ученого, в культе священных рощ – Кереметей (как принято называть эти объекты на юге Удмуртии) можно усмотреть контаминацию элементов древнеудмуртской религии и приобретенных мусульманских черт. Вместе с тем в нем отчетливо проступает и почитание деревьев, что свидетельствует о местном субстрате этого культа. Плодотворной представляется мысль авторитетного исследователя о дихотомии между культурами луда и куалы, в совокупности составляющими единый комплекс сакрального природно-культурного окружения – своеобразного микрокосма, открытого иным, непостижимым смертным людям мирам. Собственно Владимиру Емельяновичу принадлежит объяснение устойчивой и непреходящей ценности Луда для удмуртской этнокультуры, поскольку, «кажется, это была одна из первых форм сакрализации пространства с его сужением и локализацией, концентрированием на почитаемом объекте (лес – роща – дерево)» [Владыкин 1994, 109–110].

Если В. Е. Владыкин рассматривал удмуртские священные рощи преимущественно относительно их роли и места в системе традиционного мировоззрения и религиозных представлений, то в работах Н. И. Шутовой, В. И. Капитонова, Р. Р. Садикова, А. В. Черных и др. исследуются также ландшафтно-экологические, палеоэтнографические, исторические и природно-охранные аспекты существования и функционирования этих реликтов [Шутова 2001; Культурные памятники... 2004; Шутова, Капитонов, Кириллова, Останина 2009]. Культурные памятники и сакральные объекты бесермян в контексте проблем выявления, изучения и сохранения культурного наследия уникального коренного малочисленного народа практически с исчерпывающей полнотой исследованы Е. В. Поповой [Попова 2011]. Ею же было начато этнографическое исследование марийских священных рощ на территории Удмуртии [Попова 2012], в 2014 г. развернувшееся в комплексное научное обследование этих природных и историко-культурных объектов с целью их выявления и постановки на учет как памятников природы и культуры [Капитонов, Попова, Шутова 2015]. Предварительные итоги многоаспектного изучения священных рощ и культовых мест как компонентов сакрального пространства народов Камско-Вятского региона подведены в статье Н. И. Шутовой [Шутова 2017]. Благодаря этим и другим работам накоплен богатый фактический материал для выработки конкретных предложений и практических шагов для сохранения столь специфичных объектов.

Обоснование историко-культурной значимости

Одна из ключевых дилемм государственной охраны священных рощ – это дискуссия об их видовой принадлежности к объектам культурного наследия либо природоохранным территориям. Значительный религиозный статус и даже системообразующий характер природных жертвенников и капищ в ритуальной традиции и аксиологической парадигме традиционных культов сопряжен в современных условиях с экологической уникальностью рощ, поскольку они выступают в природных ландшафтах как островные эталоны коренных лесов [Капитонов 2004, 206].

В условиях сокращения социальной базы этнических религий, фрагментации представлений о сакральной традиции, связанной с культом рощ, биологическое своеобразие выступает самоценным элементом подобных объектов, который также требует специальной защиты. Именно таким путем сформирован режим охраны языческих рощ в Нижегородской обл. Так, распоряжением областной администрации от 13.09.1996 № 1236-р «Об объявлении природных объектов государственными памятниками природы регионального (областного) значения» в целях поддержания экологического равновесия, сохранения ценных и уникальных природных объектов, имеющих важное средообразующее, ресурсоохранное, научное, эстетическое, культурное значение, связанных с традиционными верованиями марийского и эрзянского народов, – на государственную охрану были поставлены 2 эрзянских и 27 марийских священных рощ и культовых мест, утверждены их паспорта, содержащие краткое описание каждого объекта, его значение (ботаническое, эстетическое, культурное, культовое, водоохранное и др.) и устанавливаемый режим охраны и использования. Нельзя не отметить большую подвижническую роль в реализации этой инициативы Н. В. Морохина, видного исследователя фольклора, экологических и этнографических традиций населения Нижегородского края, который собственноручно и подготовил с коллегами и учениками паспорта охраняемых объектов.

В работах Н. В. Морохина содержится обоснование значительной комплексной ценности священных рощ: исторической, этнографической, экологической. Относительно последней исследователь подчеркивает, в частности, что «межобщинные священные рощи оказываются приурочены к точкам распада вод: они способствуют сохранению подземной влаги на этих уязвимых участках, берегут ручьи и озера, источники, которые часто входят в эти природные комплексы, препятствуют эрозии, ведь характерно расположение рощ на склоне или в высшей точке среди распаханых участков...» [Морохин 2011]. Трудно сказать, в какой степени народные знания в области гидрологии лежат в основе выбора места для святилищ, однако то, что религиозные природно-культурные объекты играют осевую роль в традиционной этнической экосистеме финно-угров Поволжья, не подлежит сомнению.

Вместе с тем, не следует забывать, что именно культурная норма лежит в основе особого режима использования и сохранения общиной реликтовых участков леса, что, собственно, и позволило им дожить до наших дней. В этой связи существенным представляется вопрос, подлежат ли государственной защите рощи, которые возникли в результате соблюдения такого охранного режима, но в которых

религиозные обряды в настоящее время не проводятся, и обычный режим содержания (безусловно, в ослабленном виде) поддерживается лишь в силу фольклорной традиции. Такая ситуация на территории Удмуртии превалирует повсеместно, и крайне редко можно встретить подтвержденную документально непрерывную традицию проведения молений в священных рощах, что объяснимо с учетом событий и государственной политики советского периода в истории России. Однако эта традиция может быть весьма гибкой и адаптивной: при необходимости она способна сужаться до уровня отдельных семей и даже индивидов или, напротив, готова возрождаться до общенациональной в условиях этнической мобилизации.

Как рабочую гипотезу можно предположить, что если факт принадлежности подобного, не подвергшегося значительному антропогенному воздействию биотопа к категории священных рощ и культовых мест подтверждается, кроме архивно-библиографических изысканий, полевыми этнографическими наблюдениями, если в исторической памяти потомков молившихся в этой роще людей сохраняются ценностные образы ушедших религиозных ритуалов, то такой объект следует сохранять в качестве памятника истории и культуры. В частности, федеральный закон № 73-ФЗ предлагает определять подобные объекты культурного наследия как достопримечательные места, т.е. «совместные творения человека и природы...; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации...; места совершения религиозных обрядов; ...религиозно-исторические места» [Федеральный закон... Ст. 3].

В ином случае, при утрате локального этнокультурного контекста (исчезновении сопряженной с рощей религиозной общины), при котором возрождение существовавшей ритуальной традиции представляется невозможным, экологическая ценность природно-культурного объекта выступает на передний план и становится основанием для постановки рощи на государственную охрану как памятника природы.

Предмет охраны

Обоснование предмета охраны священных рощ вызывает определенные затруднения. В соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ предметом охраны объекта культурного наследия выступают особенности объекта как основания для включения его в единый реестр памятников истории и культуры народов РФ и подлежащие обязательному сохранению [Федеральный закон... Ст. 18]. Такими основаниями могут считаться, очевидно, существенные свойства памятника, образующие его историко-культурную ценность. В отношении достопримечательного места предметом охраны «являются его градостроительные, геологические, ландшафтные, объемно-пространственные, планировочные, архитектурно-стилистические характеристики, ценные элементы застройки и благоустройства, совместные творения человека и природы, объекты, представляющие интерес с точки зрения архитектуры, истории, археологии, этнологии и экологии, функциональное назначение и мемориальное значение» [Федеральный закон... Ст. 56.4].

Однако, будучи совместными творениями природы и человека, где роль последнего по сути состояла в наделении выдающегося участка ландшафта

сакральными свойствами и медиативными функциями, в поддержании его естественного существования в соответствии с законами природы, священные рощи на самом деле обладают крайне ограниченным набором неизменных материальных качеств. В них чрезвычайно незначительно прослеживается присутствие культуры. Действительно, до настоящего времени сохранились лишь единичные подобные объекты, где присутствуют постройки религиозного назначения. Следы и атрибуты ритуальных действий (кострища; предметы, повязываемые или накладываемые на деревья; места хранения дров, посуды, остатков трапезы и т.д.) могут иметь окказиональный характер или привязаны к природным объектам (деревья, родники, урочища), не являющимся творениями человека.

Опыт формулирования предметов охраны культовых и священных мест уральского (финно-угорского) индигенного населения Западной Сибири (ненцев и хантов) показывает наличие обоих подходов: стремление вычленил неизменные свойства сакральных территорий и дополнение их материальными следами религиозной практики человека. Так, в ряде актов государственной историко-культурной экспертизы по обоснованию включения в единый государственный реестр объектов культурного наследия РФ священных мест Ямало-Ненецкого автономного округа рекомендуется следующий предмет охраны:

«← конфигурация в плане (ландшафт, включая все относящиеся к нему компоненты);

– сакральные особенности священного места, включающие в себя ритуальные площадки и объекты, связанные с жертвоприношениями;

– территория объекта культурного наследия» [напр., Акт... 2016].

В данной формулировке остается не вполне ясным, можно ли говорить о сохранении сакральных особенностей объекта в случае прекращения жертвоприношений и отпращиваний религиозного культа, послужит ли возможная в силу процессов ассимиляции и секуляризации десакрализация памятника утрате существенного элемента предмета охраны. Аналогичные сомнения возникают в отношении, например, предложенного предмета охраны достопримечательного места «Эвыт-Ики (Шаман-Гора) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра:

«← почитаемые элементы природного ландшафта;

– культурный слой святилища на территории городищ, расположенных в границах достопримечательного места;

– места ритуальных костровищ;

– приношения в виде денег (монет и банкнот);

– остеологические останки жертвенных животных;

– атрибуты-подношения божеству *Мых Ими* («Земли Хозяйке») в виде предметов домашнего обихода, вышедших из употребления (ведер, котлов, тазов)» [Ведмидь 2017, 75].

Практически лишь три первые, привязанные к земле особенности выявленного достопримечательного места можно условно считать неизменными. Остальные элементы предмета охраны (деньги, кости, утварь) могут быть восприняты неизменным элементом священного места разве что с позиции традиционного миропонимания этой территории. Их забвение, утрата или хищение могут значи-

тельно повлиять на состав предмета охраны объекта и соответственно породить сомнения в его историко-культурной значимости.

Что касается священных рощ, расположенных на территории Удмуртии, то в процессе выявления подобных объектов существенным оказывается отсутствие «живой» традиции проведения религиозных обрядов в большинстве удмуртских и ряде марийских культовых мест. Вместе с тем материалы полевых исследований и экспертные оценки свидетельствуют о законсервированном характере функционирования этих объектов. Векторы исторической топографии, традиционные этнические морально-этические нормы, феномен, фокусирующийся в пресловутом концепте «память места», оказываются актуальными в системе ценностей удмуртской деревни, факторами стабилизации жизнеобеспечивающей культуры этноса в постсоветский период. Примечательны соблюдавшийся на протяжении десятилетий охранный статус ряда священных рощ и следование сложившемуся по обычному праву режиму посещения этих мест.

В этой связи представляется правомерным следование пункту 6.2. Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия [Приказ Министерства культуры... 2016], согласно которому таковым предметом может являться его историческое использование, подлежащее обязательному сохранению.

Таким образом, существенными и неизменными свойствами дохристианского культового места – священной рощи как объекта культурного наследия в виде достопримечательного места могут быть предложены, в первую очередь, его территория со всеми присущими ландшафтными и биоценозными характеристиками и историческое использование, территориально выражаемое в сакральном статусе различных локусов объекта от мест жертвоприношений и капищ до его границ.

Обоснование границ территории объекта культурного наследия

В соответствии с нормой Федерального закона № 73-ФЗ в целях обеспечения сохранности предмета охраны достопримечательного места, в статусе которого могут охраняться священные рощи финно-угорских народов, в границах его территории устанавливаются требования к осуществлению человеком различных видов деятельности: ограничения использования лесов и требования к градостроительному регламенту. Соответственно возникает вопрос, по каким критериям следует определять границы охраняемой территории таких достопримечательных мест.

Сложившаяся в регионах Западной Сибири практика обоснования территорий достопримечательных мест показывает необходимость в данной ситуации последовательного учета различных подходов. Первый из них (биолого-географический) следует из материалов ландшафтно-визуального анализа композиционных связей планируемого объекта в его существующем природном окружении, т.е. описание его характерных и актуальных пространственных и биологических характеристик. Другой важный критерий вытекает из результатов проведенных историко-архивных и этнографических изысканий, позволяющих выяснить особенности функционирования сакрального объекта в системе соционормативной культуры и религиозно-ментальных представлений почитавшего и посещавшего его локального этнического сообщества. Эти данные позволяют определить религиозно-

мифологический и утилитарно-хозяйственный статус исследуемого ландшафта в его историческом развитии, что в итоге может лечь в основу требований к режиму охраняемых территорий. И, наконец, архитектурно-планировочный подход выступает окончательной стадией процедуры определения границ достопримечательного места, выделяемого на территории и в окрестностях священной рощи. Согласно ему на основе эколого-географических и историко-этнографических сведений на территории достопримечательного места могут быть выделены зоны с особыми условиями содержания. Функционально, с точки зрения планировочной структуры и возможного использования, они подразделяются на три зоны: охранную; зону регулируемой застройки и хозяйственной деятельности; зону охраняемого природного ландшафта. Обоснованное таким образом функциональное зонирование территории объекта культурного наследия становится исходным материалом для составления требований к режиму его содержания, а также для планирования мероприятий, проведение которых должно в перспективе обеспечить надлежащую физическую сохранность и оптимальное использование памятника истории и культуры.

Режим использования

Как представляется, в основе режимов содержания и использования различных зон предполагаемого достопримечательного места – священной рощи – должен лежать синтез требований законодательства об объектах культурного наследия и зафиксированных с помощью этнографических методов норм обычного права, касающихся запретов и правил поведения на территории сакрального объекта.

В традиционной культуре финно-угорских народов принята строгая регламентация поведения на территории культовых объектов: «Вообще, в отношении к Луду особенно строго соблюдались запреты, пожалуй, как нигде демонстрировалось почтительное отношение. Рощи огораживались, в них соблюдалась величайшая чистота, за это были ответственны специально выделенные люди. Осквернение Луда или куа, загрязнение священного источника, порубка священных деревьев, считалось, караются всенастигающим гневом духов и богов, насылающих болезни или даже смерть на виновного...» [Владыкин 1994, 109]. Аналогичные запреты известны и в марийских деревнях в Удмуртии: «По свидетельству местных жителей, дети с малых лет знали, что не следовало играть в священных рощах, даже деревенская скотина, по мнению селян, «по каким-то причинам избегала посещать такие места». С площадки рощ запрещали чего-либо брать и приносить домой. Известны неприятные случаи, связанные с нарушениями таких запретов» [Капитонов, Попова, Шутова 2015, 45].

С учетом этих обстоятельств и существующей практики регламентации посещения и использования охраняемых культовых мест в Западной Сибири [Ведмидь 2017] может быть сформулирован следующий режим содержания различных зон предполагаемого достопримечательного места.

На территории охранной зоны объекта культурного наследия запрещается:

- разрушение культурного слоя вне ритуальных площадок;
- лесовырубка, не обусловленная потребностями отправления религиозного культа (сухие стволы и высохшие сучья деревьев, как правило, собирают для устройства кострищ);

- нарушение, изменение ландшафта и почвенного покрова;
- сбор атрибутов культа на ритуальных площадках, артефактов с поверхности и проведение несанкционированных раскопок;
- предоставление в собственность (пользование) земельных участков, не связанных с целевым назначением территории;
- ведение геологоразведочных и поисковых работ;
- возведение объектов капитального и некапитального строительства, обусловленных потребностями отправления религиозного культа (возможно воссоздание куалы);
- засорение, захламление, загрязнение территории отходами и продуктами хозяйственной деятельности;
- деятельность, угрожающая уничтожением экологических и снижением эстетических качеств природного ландшафта;
- движение транспортных средств вне существующих грунтовых дорог;
- проведение развлекательных массовых мероприятий, обустройство палаточных стоянок и лагерей.

На территории охранной зоны объекта культурного наследия разрешается:

- совершение религиозных обрядов, связанных с сакральным статусом территории;
- проведение научно-исследовательских, изыскательских работ по письменному согласованию с муниципальными органами власти и с органом исполнительной власти, уполномоченным в области государственной охраны объектов культурного наследия;
- установка информационных знаков, относящихся к достопримечательному месту.

В границах зоны регулируемой застройки и хозяйственной деятельности запрещается:

- предоставление в собственность (пользование) земельных участков, не связанных с целевым назначением территории;
- лесовырубка, кроме санитарной;
- ведение геологоразведочных и поисковых работ;
- возведение объектов капитального строительства;
- движение транспортных средств вне существующих грунтовых дорог.

В границах зоны регулируемой застройки и хозяйственной деятельности разрешается:

- проведение научно-исследовательских, изыскательских работ по письменному согласованию с органом исполнительной власти, уполномоченным в области государственной охраны объектов культурного наследия;
- сбор ягод и дикоросов для личного потребления;
- установка информационных знаков, относящихся к достопримечательному месту.

В зоне охраняемого природного ландшафта запрещается:

- лесовырубка, кроме санитарной и проводимой в рамках мероприятий по охране, защите и воспроизводству лесов;
- возведение объектов капитального строительства;

– разведение костров за пределами специально оборудованных для этого мест.

В зоне охраняемого природного ландшафта разрешается:

– эколого-туристическая и культурно-просветительская деятельность, в том числе организация туристических стоянок, туристических троп, пешеходных, велосипедных, лыжных и конных прогулок, познавательных, историко-этнографических, туристических и экологических экскурсий, массовых спортивных и культурных мероприятий по согласованию с муниципальными органами власти и органом исполнительной власти, уполномоченным в области государственной охраны объектов культурного наследия;

– установка информационных знаков, относящихся к достопримечательному месту.

В режимы содержания объекта культурного наследия могут быть внесены и другие требования с учетом сложившихся местных обычаев и сакрального характера памятника. Безусловно, должен быть найден компромисс между обычным правом ограниченным доступом на территорию рощи даже для членов религиозной общины и требованием законодательства об обеспечении права граждан на доступ к культурным ценностям.

В любом случае придание языческой священной роще статуса памятника культуры нарушит, по крайней мере, информационную закрытость этого традиционного культового места, но в целях сохранения и трансляции будущим поколениям знаний об уникальном этнокультурном феномене финно-угорских народов такой шаг может быть оправдан.

ЛИТЕРАТУРА

Акт государственной историко-культурной экспертизы о включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленного объекта культурного наследия «Священное место Яля пя седа». Тюмень, 2016. Эл. ресурс: http://nasledie89.yanao.ru/wp-content/uploads/2017/05/GIKE-o-vklyuchenii-v-reestr-OKN_YAlya-pya-seda.pdf (дата обращения 24.02.2018).

Богаевский П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этн. Музее. М., 1888. Вып. III. С. 14–64.

Ведмидь Г. П. Из опыта проектирования территорий достопримечательных мест в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 15. С. 54–83.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Владыкин В. Е. Культ Кереметья у удмуртов // Вопросы советского финно-угроведения: Тез. докл. Саранск, 1972. С. 75–77.

Капитонов В. И. Экологическое состояние и перспективы сохранения священных рощ в Удмуртии // Культовые памятники Камско-вятского региона: Материалы и исследования: Сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2004. С. 205–211.

Капитонов В. И., Попова Е. В., ШUTOва Н. И. Почитаемые объекты марийцев Удмуртии // Марийцы Удмуртии: история, традиции и современность. Ижевск, 2015. С. 37–49.

Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования: Сб. ст. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2004. 228 с.

Морохин Н. В. Марийские священные рощи Нижегородской области как природно-культурные памятники. 2011 Эл. ресурс: <http://www.gttp.ru/text/152.htm> (дата обращения 24.02.2018).

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. 3. С. 29–37.

Попова Е. В. Культовые памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2011. 320 с.

Попова Е. В. Марийцы // Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2012. 288 с.

Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13.01.2016 г. № 28 «Об утверждении Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ.

Шутова Н. И. Сакральное пространство народов Камско-Вятского региона: основные итоги, подходы и методы изучения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 2. С. 133–149.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2001. 304 с.

Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2009. 244 с.

Sarv H., Vladõkin V. Puudesalu tüüpi ohvrikohtadest eestlaste ja volgasoomlaste juures = О местах жертвоприношений типа священной рощи у эстонцев и приволжских финнов // Ethnograafiamuuseumi aastaraamat. № 36. Tallinn, 1988. S. 138–155.

Поступила в редакцию 18.01.2018

Перевозчиков Юрий Александрович,

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

e-mail: gudyri@mail.ru

Yu. A. Perevozchikov

To the Problem of Protecting the Sacred Groves of the Finno-Ugric Peoples in Udmurtia by the State: Ethnological Aspects

One of the essential components of the pre-Christian beliefs of the Finno-Ugric peoples of the Volga-Kama region is the cult of sacred groves. In the Udmurt Republic the sacred groves of the Udmurts, the Mari and the Besermyans are preserved as cult objects and items of cultural and natural landscapes. In recent years, the representatives of the revitalized neopaganism and social activists have been insisting on preserving the sacred groves as monuments

of historical and cultural importance in the frameworks of ethnology and cultural anthropology. The modern academic study of the religious ideas and practices, including the Udmurt sacred groves, is inextricably linked with the name of professor V. E. Vladykin. His followers also consider the history, landscape ecology, paleoethnography and conservation of religious places. Considering the achievements of ethnology and requirements of the Russian legislation on objects of cultural heritage, the article deals with the following problems: foundation for historical and cultural importance of sacred groves as cultural monuments; formulating the subject of the protection of these objects, considering their invariable and essential properties – the territory and historical use; border establishment of the protected territories and zones directly connected with sacred groves; some aspects of the incorporation of customary law into the maintenance and use of these monuments. Sacred groves, representing the actual cultural tradition, can be protected as objects of cultural heritage sites. The conclusion of the article is connected with the necessity of synthesis of legislation requirements on cultural heritage objects and customary law norms in determining the regimes of maintenance and use of different zones of these cultural monuments.

Keywords: sacred groves, the pre-Christian beliefs of the Finno-Ugric peoples, the Udmurts, a cultural monument, cultural heritage site, place of interest, the subject of cultural heritage objects protection, the boundaries of the territory of cultural heritage objects, zones of protection of cultural heritage objects, modes of maintenance of cultural heritage.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 1, pp. 141–153. In Russian.

REFERENCES

Akt gosudarstvennoi istoriko-kul'turnoi ekspertizy o vklyuchenii v edinyi gosudarstvennyi reestr ob'ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii vyavlennoogo ob'ekta kul'turnogo naslediya «Svyashchennoe mesto Yalya pya seda». [The act of state historical-cultural expertise on including the identified cultural heritage site “Sacred place, Yalya Pya Seda» into the unified state register of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of peoples of the Russian Federation] In Russian. URL: http://nasledie89.yanao.ru/wp-content/uploads/2017/05/GIKE-o-vklyuchenii-v-reestr-OKN_YAlYa-pya-seda.pdf (accessed February 24.2018).

Bogaevskii P. M. Oчерк byta Sarapul'skikh votyakov [A sketch of the life of the Sarapul Votyaks]. *Sb. materialov po etnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom Etn. Muzei* [Collection of materials on Ethnography, published at The Ethnographic Museum “Dashkovsky”]. Moscow, 1888, iss. 3, pp. 14–64. In Russian.

Vedmid' G. P. Iz opyta proektirovaniya territorii dostoprimechatel'nykh mest v Surgutskom raione KhMAO – Yugry [From the experience of designing the territories of sights in the Surgut district of KhMAD – Yugra]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo: Sb. Statei* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the past: Collection of articles] Tomsk; Khanty-Mansiysk, 2017, iss. 15, pp. 54–83. In Russian.

Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [The religious and mythological representation of the world by the Udmurt]. Izhevsk, 1994. 384 p. In Russian.

Vladykin V. E. Kul't Keremetya u udmurtov [The Udmurts' cult Keremet]. *Voprosy sovetskogo finno-ugrovedeniya: Tez. dokl.* [Questions of Soviet Finno-Ugric studies. Abstracts of papers]. Saransk, 1972, pp. 75–77. In Russian.

Kapitonov V. I. Ekologicheskoe sostoyanie i perspektivy sokhraneniya svyashchennykh roshch v Udmurtii [Ecological status and conservation perspectives of sacred groves in the Udmurt Republic]. *Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniya* [Cult monuments of the Kama-Vyatka region: Proceedings and Research]. Izhevsk, 2004. In Russian.

Kapitonov V. I., Popova E. V., Shutova N. I. Pochitaemye ob"ekty mariitsev Udmurtii [Revered objects of the Mari in the Udmurt Republic]. *Mariitsy Udmurtii: istoriya, traditsii i sovremennost'* [The Mari people of Udmurtia: history, traditions and modern day]. Izhevsk, 2015, pp. 37–49. In Russian.

Kul'tovye pamyatniki Kamsko-Vyatskogo regiona: Materialy i issledovaniya [Cult monuments of the Kama-Vyatka region: Proceedings and Research]. Izhevsk, 2004. In Russian.

Morokhin N. V. *Mariiskie svyashchennye roshchi Nizhegorodskoi oblasti kak prirodno-kul'turnye pamyatniki* [Mari sacred groves of Nizhny Novgorod region as natural and cultural monuments] In Russian. URL: <http://www.gttp.ru/text/152.htm> (accessed February 24.2018).

Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii* [A journey through different provinces of the Russian Empire]. Saint-Petersburg. 1788. In Russian.

Popova E. V. *Kul'tovye pamyatniki i sakral'nye ob"ekty besermyan* [Cult monuments and sacral objects of the Besermyans]. Izhevsk, 2011. In Russian.

Popova E. V. Mariitsy [Maris]. *Udmurtskaya Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Udmurt Republic: historical and ethnographic essays]. Izhevsk, 2012, pp. 241–266. In Russian.

Prikaz Ministerstva kul'tury Rossiiskoi Federatsii ot 13.01.2016 g. № 28 «Ob utverzhdenii Poryadka opredeleniya predmeta okhrany ob"ekta kul'turnogo naslediya, vkluchennogo v edinyi gosudarstvennyi reestr ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii [Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation from January 13, 2016 No. 28 “On approval of the Procedure of determining the subject of protecting cultural heritage objects included in the unified state register of objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of peoples of the Russian Federation”]. In Russian.

Federal'nyi zakon «Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii» ot 25.06.2002 g. № 73-FZ [Federal law “On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation” No. 73-FZ of 25 June 2002]. In Russian.

Shutova N. I. Sakral'noe prostranstvo narodov Kamsko-Vyatskogo regiona: osnovnye itogi, podkhody i metody izucheniya [Sacred Space of the Peoples in the Kama-Vyatka Region: Main Results, Approaches and Methods of Study]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], vol. 11, issue 2, pp. 133–149. In Russian.

Shutova N. I. *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoi religioznoi traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian cult monuments in the Udmurt religious tradition: An interdisciplinary study]. Izhevsk, 2001. In Russian.

Shutova N. I., Kapitonov V. I., Kirillova L. E., Ostanina T. I. *Istoriko-kul'turnyi landschaft Kamsko-Vyatskogo regiona* [Historical and cultural landscape of the Kama-Viatka region]. Izhevsk, 2009. In Russian.

Sarv H., Vladõkin V. Puudesalu tüüpi ohvrikohtadest eestlaste ja volgasoomlaste juures [On the places of sacrifice of the type of sacred grove Estonians and Volga Finns]. *Ethnograafi-amuuseumi aastaraamat* [Yearbook of the Ethnographic Museum], no. 36, Tallinn, 1988, pp. 138–155. In Estonian.

Received 18.01.2018

Perevozchikov Yury Alexandrovich,

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,

Udmurt State University

1, ul., Universitskaya, Izhevsk, 426011, Russian Federation

e-mail: gudyri@mail.ru